

«По следам очерков В.Г. Короленко»
(литературно-краеведческий час)

Ведущий: Здравствуйте! Наш литературно-краеведческий час посвящен жизни и творчеству Владимира Галактионовича Короленко. Сегодня мы с вами поговорим, в основном, о пребывании писателя в Павлове.

Чтец: Среди мерзости и красоты,
Средь трудов,
Среди лжи или лести
Человек тот оставил следы
Благородства, упорства и чести.

(Адрианов Ю. След Владимира Короленко: [стихотворение] // Павлов. металлист. — 2003. — 31 июля).

«Как ни темно впереди, есть все-таки несомненное незыблемое, вечное, чему стоит и надо служить без вопроса о скором успехе. Эти незыблемые маяки — истина, право, справедливость. Судьба послала мне литературное дарование, я его направляю... на служение этим вечным ценностям. И, наряду с образами художника, я отдаю свое перо публицистическому служению справедливости и праву».

(Короленко В. Г. Речь на праздновании юбилея [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1918_rech_na_prazdnovanii_ubileya.shtml)

Ведущий: Писатель яркого и большого дарования, Короленко вошел в историю русской литературы как автор многочисленных повестей и рассказов, художественных очерков, четырехтомной «Истории моего современника», наконец, как критик и публицист. Его творчество, отмеченное чертами глубокой самобытности, составляет своеобразную летопись целой эпохи русской действительности. Повести, рассказы и очерки Короленко реалистически изображают русскую деревню в период быстрого развития капитализма на рубеже двух веков и раскрывают многие стороны народной жизни. Расцвет литературной деятельности Короленко относится ко второй половине 1880-х годов. Когда все передовое и свободолюбивое в русском обществе подавлялось царским произволом, голос молодого писателя прозвучал новым напоминанием о живых силах народа. Короленко выступает в своем творчестве горячим защитником человека от рабства, зла и неправды капиталистического мира, непримиримым врагом насилия и реакции. Высоким гражданским пафосом, безграничной любовью к Родине отмечена вся общественная и литературная деятельность Короленко, и весь он — человек и художник — встает перед нами, по справедливому замечанию М. Горького, как «идеальный образ русского писателя».

В.Г. Короленко родился 27 июля 1853 года на Украине, в городе

Житомире Волынской губернии. Учился сначала в частном пансионе, затем в житомирской гимназии. Когда ему исполнилось тринадцать лет, его отца перевели по службе в маленький уездный городок Ровно, где будущий писатель окончил с серебряной медалью реальную гимназию. В «Автобиографии» Короленко пишет...

Чтец: «Отец мой — из дворян Полтавской губернии чиновник, мать моя — полька, дочь шляхтича. Отец был человек строгий и редкой по тому времени честности. Проходя службу с низших ступеней среди дореформенных канцелярских порядков и общего взяточничества, он никогда не позволял себе принимать приношений даже уже после состоявшегося решения дела».

(Короленко В. Г. Рассказы и повести. Воспоминания. Критические статьи. Публицистика. — М., 2001. — С. 456).

Ведущий: Атмосфера семьи, где господствовали дружеские отношения, воспитывались честность, правдивость и прямота характера, благотворно сказалась на духовном развитии Владимира. Рано пробудившаяся чуткость была в душе мальчика отзвуком семейной атмосферы: мирные, теплые отношения отца, главы семьи, хотя и человека с нелегким нравом, и матери, кроткой, нежной, ласковой.

Став старше, Владимир неслучайно принял каноны любви романтических баллад. В его воображении закружились образы нежных дам, нуждающихся в заступничестве мужественных покровителей, рыцарей меча и чести, и он стал сам представлять себя таким же доблестным рыцарем. В детстве Короленко мечтал стать героем, пострадать за родной народ. «Маленький романтик», как он сам назвал себя впоследствии, помог укрыться в заброшенном сарае крепостному мальчику, бежавшему от злого пана... Долгими вечерами, забившись в темный уголок кухни, Владимир любил слушать украинские сказки, которые рассказывал кучер отца. Во время каникул мальчик жил в деревне, наблюдая тяжелую, подневольную жизнь украинских крестьян. Впечатления детских и юношеских лет дали ему материал для многих произведений.

В 1871 году, по окончании реальной гимназии, Короленко приехал в Петербург и поступил в Технологический институт.

Чтец: «Сердце у меня затрепетало от радости. Петербург! Здесь сосредоточено все, что я считал лучшим в жизни, потому что отсюда исходила вся русская литература, настоящая родина моей души... И вот Невский проспект. ...Вот, значит, где гулял когда-то гоголевский поручик Пирогов... А где-то еще, в этой спутанной громаде, жил Белинский, думал и работал Добролюбов. Здесь коченеющей рукой он написал: «Милый друг, я умираю оттого, что был я честен» ...Здесь и теперь живет Некрасов, и, значит, я дышу с ним одним воздухом. Здесь, наконец, ждет меня директор Ермаков и новая заманчивая жизнь студента... В ту минуту я был счастлив сознанием

молодости, здоровья, силы и ожиданий...»

(Короленко В. Г. История моего современника: в 4 т. — М., 1985. — Т. 1-2. — С. 381).

Ведущий: Однако стремлению последовать зову Н.А. Некрасова и отдать себя, словно Гриша Добросклонов, спасению простого народа, предстояли еще нелегкие испытания.

Чтец: «Компания наша бедствовала. Незаметно, постепенно голод сказывался истощением: ноги ныли, лица бледнели, движения становились порой вялы, на лекциях внимание притуплялось, над мозгом точно нависала какая-то завеса...»

(Короленко В. Г. История моего современника: в 4 т. — М., 1985. — Т. 1-2. — С. 429).

Ведущий: Ни крохи помощи, которые могли бы дать родные, ни случайные заработки уроками, раскраской атласов, переписыванием лекций — ничто не спасало. Пришлось оставить Технологический институт. Институт сменила контора Студенского, корректорское бюро. В феврале 1874 года Короленко стал студентом Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Академия имени К.А. Тимирязева). Здесь он слушает лекции великого русского ученого Тимирязева и по его поручению рисует для его лекций демонстрационные таблицы. Дружеские отношения, начавшиеся между профессором и студентом, не прекращались до конца их жизни. Безгранично веривший в силу науки, убежденный материалист, Тимирязев вошел в сознание Короленко как идеальный тип русского ученого. В академии Короленко сближается с революционно настроенной молодежью, читает нелегальную литературу. Восторженное настроение усилило юношескую склонность поэтизировать все вокруг.

Чтец: «Все из того времени, — писал Короленко в автобиографических строках рассказа «С двух сторон», — вспоминается мне каким-то сверкающим и свежим. Здание академии среди парков и цветников, аудитории и музеи, деревянные дачи в сосновых рощах, таинственные сходки на этих дачках — или в Москве, молодой романтизм и пробуждение мысли... Казалось, — нам предстоит что-то необыкновенное...»

(Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1954. — Т. 4. — С. 286).

Ведущий: Протестное, как сейчас сказали бы, «девиантное», поведение было свойственно Короленко и в более зрелые годы. В 1876 году за участие в народнических студенческих кружках он был исключен из академии и выслан в Кронштадт под надзор полиции. Там будущий писатель вынужден был заниматься репетиторством, подрабатывать корректором в типографии, а также освоить ряд рабочих профессий. По окончании ссылки Короленко

возвратился в Петербург и в 1877 году поступил в Горный институт.

В июле 1879 года в петербургском журнале «Слово» была напечатана первая новелла писателя «Эпизоды из жизни «искателя». И хотя этот рассказ Короленко первоначально планировал к публикации в «Отечественных записках», редактор журнала М.Е. Салтыков-Щедрин вернул молодому автору рукопись со словами: «Оно бы и ничего... да зелено... зелено очень».

Весной 1879 года по подозрению в революционной деятельности Короленко вновь был исключен из института и выслан в город Глазов Вятской губернии. 3 июня 1879 года вместе с братом Илларионом писатель в сопровождении жандармов был доставлен в этот уездный город. Писатель оставался в Глазове до октября, пока в результате двух жалоб Короленко на действия вятской администрации его наказание не было ужесточено.

25 октября 1879 года Короленко был отправлен исправником в Бисеровскую волость с назначением жительство в Березовских починках, где он пробыл до конца января 1880 года. Оттуда за самовольную отлучку в село Афанасьевское писатель был отправлен сначала в вятскую тюрьму, а затем в Вышневолоцкую пересыльную тюрьму. Но Короленко «не остановился» на этом: в 1881 году он отказался присягать императору Александру III, поскольку измыслил в тексте присяги требование стать доносчиком — докладывать «уведав о том, в ущерб его величества интереса, вреде и убытке». После отказа подписать покаянную верноподданническую петицию, в 1881 году Короленко был отправлен в ссылку в Сибирь. Отбывал последний срок ссылки в Якутии, в Амгинской слободе.

После сибирской ссылки Короленко запрещено жить в столичных городах и Петербургской губернии. Он поселился в Нижнем Новгороде, где провел более десяти лет — с 1885 по 1896 гг., сюда перевез мать и сестру с ребенком. В январе 1886 года в Троицкой церкви на Большой Печерской он обвенчался с Евдокией Семеновной Ивановской. Первое время приходилось часто менять квартиры, пока, наконец, семейство Короленко не въехало в дом Лемке на Канатной.

Чтец: «Живем мы на окраине Нижнего, — писал Владимир Галактионович, — в одной из тех улиц, которые открываются одним концом в пустыри и поля, — другим уходят к городу; наша квартира в верхнем этаже (внизу живут Лошкаревы [семья сестры] и мать). Из моих окон видна церковь в нескольких сотнях шагов от нас, затем сады и дома Нижнего, а вдали полоска Оки и заокские луга и поля».

(Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1956. — Т. 10. — С. 142).

Ведущий: Внешний вид деревянного двухэтажного на каменном фундаменте дома, где жил Короленко, почти не изменился со времен проживания в нем писателя. Сюда, к известному писателю Короленко, в декабре 1889 года пришел молодой Алексей Пешков показать первые литературные опыты; он вспоминал:

Чтец: «На панели, перед крыльцом, умело работал широкой лопатой коренастый человек в меховой шапке странной формы, с наушниками, в коротком, по колени, плохо сшитом тулупчике, в тяжелых вятских валенках. Я полез через сугроб прямо на крыльцо.

— Вам кого?

— Короленко.

— Это я.

...Из густой курчавой бороды, богато украшенной инеем, на меня смотрели карие, хорошие глаза... Опираясь на лопату, он молча выслушал мои объяснения причин визита, потом прищурился, вспоминая... Короленко первый сказал мне веские человеческие слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов, и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — нелегкое дело».

(Короленко В. Г. в воспоминаниях современников / предисл., подгот. текста и примеч. Т. Г. Морозовой. — М., 1962. — С. 127).

Ведущий: После этого разговора молодой Пешков отложил перо на два года, но потом жажда писательства взяла верх. И Короленко всячески поддерживал его, когда тот испытывал трудности. Так, в конце 1893 года Алексей Максимович жил в старой бане в саду священника Полежаева, которая зимой основательно промерзала. В «поповой бане» написаны были «Дед Архип и Ленька», «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Однажды осенью» и другие рассказы. Короленко способствовал публикации в 1895 году «Челкаша» в известном тогда толстом журнале «Русское богатство», после чего имя Горького стало известным. «Среди русских культурных людей я не встречал человека с таким неутомимым стремлением к правде-справедливости», — говорил о нем впоследствии Максим Горький.

Нижегородское десятилетие — период наиболее плодотворной работы Короленко-писателя. В 1886 году вышла его первая книга «Очерки и рассказы», в которую вошли сибирские новеллы писателя, и о нем заговорила читающая публика всей Российской империи. В эти же годы Короленко публикует свои «Павловские очерки» о кустарях-металлистах села Павлова в Горбатовском уезде Нижегородской губернии, задавленных нищетой. В них с потрясающей силой даны картины непомерно тяжелой жизни павловских кустарей — бедняков. Кто не знает содержания этих очерков? Они и поныне производят впечатление сильное, незабываемое...

При всей необычности, «скачкообразности» повествования «Павловские очерки» имеют замечательно тонко продуманный композиционный план. Это произведение со своим, так сказать, хитро скрытым секретом, подобно изделиям самих павловских кустарей, среди которых были блестящие мастера и подлинные виртуозы своего дела.

Очерки открываются кратким вступлением — описанием громадного, но немощно, надтреснуто, глухо бухающего колокола с Троицкой горы над

Окой. Затем, в первой главе, появляются пестрые картинки скупки, непонятные, тягостные, оставляющие впечатление какой-то чудовищной аномалии, очевидного отклонения от разумного устройства дела. Они вполне соответствуют сказке о дьяволе, который решил зло посмеяться над людьми и подал совет доброму помещику построить первый в Павлове завод, оказавшийся похожим на ад, а затем выдумал и скупщика на горе кустарям.

Впервые В.Г. Короленко был в Павлове в начале июня 1889 года. В его записной книжке есть короткая запись:

Чтец: «В 1889 году теплым весенним вечером я переправлялся на пароме через Оку и тихонько побрел лугами. Позади остались павловские горы, на которые мне не хотелось оглядываться. Целую неделю не знать ничего, кроме замков, лички, ножей, цен и... павловских скупщиков, — это что-нибудь да значит...

(Цит. по: Ларионова А. Павлово его не забудет // Павлов. металлист. — 1993. — 5 авг.)

Ведущий: Отсюда нетрудно понять, с какими впечатлениями уезжал Короленко из Павлова. В том же году он приезжал в Павлово еще два раза (в сентябре и декабре). Об этом более подробно и рассказывается писателем в «Павловских очерках».

Чтец: «Раннею еще осенью, приехав в Павлово на пароходе, я ходил с трех часов утра в понедельник по павловским улицам, присматриваясь к картинам и прислушиваясь к разговорам кустарной «скупки»... Тогда цены уже начали сильно «низнуть», как говорят в Павлове, и поэтому картины и разговоры произвели на меня впечатление угнетающее...» И потом: «...Я очутился на круче и остановился, восхищенный открывшимся передо мною видом... Картина была полна жизни, солнечного блеска и оживления... Но это была только иллюзия... Как мало здесь новых домов! Свежего сверкающего теса, новых бревен, которые бы показывали, что здесь строятся, что новое вырастает на смену дряхлого и повалившегося, — совсем незаметно. Зато разметанных крыш, выбитых окон, подпертых снаружи стен сколько угодно...»

(Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1955. — Т. 9. — С. 7).

Ведущий: Много тяжелого и горького узнал В.Г. Короленко о селе Павлово и его обитателях. Особенно поражала его убогая, нищенская жизнь бедняков, работавших по 15-16 часов в сутки и не видевших никакого просвета в своей жизни. Вспомним одну из жутких картин, описанных им в тех же «Очерках».

Чтец: «Три женские фигуры стояли у станков: старуха, девушка лет 18-ти и маленькая девочка лет 13... Девочка была, как две капли воды, похожа на мать, такая же старенькая, такая же поразительно худая... Я не мог вынести ее

взгляда... Это был буквально, маленький скелет, с тонкими руками, державшими тяжелый стальной напильник в длинных, костлявых пальцах. Лицо, обтянутое прозрачною кожей, было просто страшно... Это было маленькое олицетворение... голода!»

(Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1955. — Т. 9. — С. 93).

Ведущий: После павловских и подобных им потрясающих впечатлений Владимир Галактионович заболел нервным расстройством. В процессе работы над «Павловскими очерками» в 1890 году Короленко снова приезжал в Павлово и пробыл здесь с 22 апреля по 6 мая. За это время сделал много павловских зарисовок, которые широко известны как иллюстрации к «Павловским очеркам». К осени этого же года «Очерки» были закончены и опубликованы в журнале «Русская мысль».

Среди персонажей «Павловских очерков» Короленко особенно много внимания уделил образу скупщика Дмитрия Васильевича Дужкина. Короленко посвятил Дужкину почти третью часть своего произведения, представив его при этом фигурой незаурядной и противоречивой.

«Человек, соблюдающий свое звание», не берущий с кустарей «промене» — процента за размен крупных денег и аккуратно рассчитывающийся с ними деньгами, а не низкокачественным сырьем и низкосортными продуктами питания, Дужкин в то же время служит у Короленко символом павловского скупщика, «экономического человека», задавившего в себе все лучшие порывы души ради стремления к наживе и не останавливающегося перед тем, чтобы согнуть и сломать тех, кто мешает ему в получении все больших и больших барышей. Кто же такой Дмитрий Дужкин — вымышленный герой или реальный человек, был ли у него, существовавший в действительности, прототип? Оказывается, был.

До сих пор на улице Красноармейской сохранились здания, принадлежавшие некогда горбатовскому купцу Петру Васильевичу Щеткину, — это жилой дом, возведенный еще на рубеже XVIII-XIX веков, производственный корпус начала 20 столетия и широко известная в городе постройка, выстроенная в популярном сто с лишним лет тому назад «историческом стиле» и занимаемая ныне кафе «Русь». Былой владелец этого архитектурного ансамбля и считался еще современниками Короленко прообразом Д.В. Дужкина. Справедливость такого мнения подтверждается многочисленными параллелями между текстом «Павловских очерков» и биографией П.В. Щеткина.

В это же время Владимиру Галактионовичу пришлось побывать во многих деревеньках Горбатовского уезда, разбросанных маленькими островками по глухим перелескам, оврагам и лощинам вдоль берегов Оки. Большинство из них уже не существует. Они вымерли уже в наше время. От них остались лишь названия (Мунькино, Сосновка, Погорелка, Пруды), но эта земля хранит много интересного о человеке, писателе с большой буквы — Владимире Галактионовиче Короленко.

...Лес шумит. Качаются молоденькие деревца и кряжистые, изломанные временем и непогодой исполины. Время бежит, все меняется — они все так же крепки. Кажется, ничто не сможет вырвать их крепкие вековые корни из родной земли. Так и люди. Трудно оставить свой исконно-родной уголок.

Чтец: «Много лет уговаривали родители нашу старенькую бабушку Зину переехать из глухой деревеньки среди первозданных лесов. Никого вокруг — только пустые холодные дома с забитыми окнами. Даже дачники не добираются сюда. Вот и жила бабушка одна-одинешенька, с котом да с козочкой. Да была у нее еще подружка — липа. Единственная ее собеседница. Росла липа рядом с крылечком. Бабушка любила свою подружку, часто вела с ней душевные разговоры. Всегда прислушивалась к шелесту ветвей, треску коры, словно получала ответ на свои вопросы. «Лактионова липа», — звала ее бабушка. «Что за странное название?» — часто спрашивали мы. А бабушка ласково улыбалась, гладила ее ствол и как-то тихонько уходила в свои мысли, словно вспоминая что-то очень сокровенное. Но однажды она все-таки разговорилась. Привела нас в свой домик и на стене среди темных фотографий показала нам портрет. «Лактионыч, — с искренней радостью и гордостью произнесла бабушка. — Он спас нас от голодной смерти. Голодно было. Особенно в конце зимы. Как зайцы глодали мы веточки с набухающими почками вот у этой липы. И казались они нам сладкими. Никто не знал, доживем ли до тепла. Вот тут-то и появился Лактионович. Стали привозить на телегах еду. Раздавали нам. Бесплатно. Принимали мы это как милость Господню. А Лактионыч все заботился о ребятишках. Особо следил за этим. Горе у него случилось, дочка померла. Сядет, бывало, у липы и разговаривает с ней. Мы-то маленькие были, и то я запомнила. Все тужил он, что жизнь у нас, у крестьян, рушится. «Засуха, неурожай, голод — все терпеливо сносит, все принимаете, как волю Всевышнего». «Лесные люди», как же вам помочь?» — все повторял он. А мы и так счастливы, что не умерли с голоду». Кто же он, этот Лактионыч, мы узнали позже. Уже в школе, в учебнике встретился знакомый снимок. Это оказался портрет Владимира Галактионовича Короленко, который мы видели в домике бабушки Зины. Значит, Лактионычем бабушка называла его. Но как же оказался этот известный русский писатель в таком глухом уголке нижегородчины? Все эти вопросы заставили прочитать много интересного о жизни Короленко».

(Шилин С. Лактионова липа // Берегиня. — 2006. — № 4. — С. 160).

Ведущий: Именно о таких «лесных людях» написал он в своих очерках «В голодный год». Раньше наш район был Горбатовским уездом. А деревеньки, затерянные в бескрайних лесах по берегам Оки, принадлежали графу Шереметьеву. Здесь-то и увидел Владимир Галактионович исконно русский тип людей, еще и сейчас, пусть редко, но встречающийся среди доживающих свой век деревенек. И описал его в очерках. «Старики, живущие здесь, сохранили типичную фигуру настоящего лесного жителя. Прямые,

правильные черты, простодушное выражение светло-голубых навывкате глаз, длинные прямые волосы, подстриженные на лбу так, что они образуют для лица как бы рамку». Такими их увидел Короленко. Может быть, они были из бабушкиной деревеньки.

Чем же они поразили его? Наверное, этот образ поразил В.Г. Короленко вековой и неизбыточной скорбью, какой-то детской незащищенностью перед лицом сокрушающих стихийных сил: то это сила природы, то социально-экономические потрясения. И до сих пор простодушные жители глухой глубинки, такие как моя старенькая бабушка, покорно принимают все сваливающиеся на них беды. Поистине точно: «край родной долготерпенья, край ты русского народа». Верит народ, что все обязательно образуется. Так и Владимир Галактионович верил, что народная мудрость в лучшем своем проявлении должна стать источником нравственной силы и чистоты, истинной «праведности». Не будет покорно плестись русский крестьянин, принимая обрушивающиеся на него бедствия как «удары Господни». И мучили Владимира Галактионовича близкие всем вопросы: как сделать жизнь народа, с душой, открытой навстречу добру, незащищенному, нуждающемуся в заботе, достойной? Как расшевелить застывшее сознание, чтобы не говорить о них, как «о деревенских страдальцах, чистых сердцем и темных головой».

В 1896 году болезненное состояние у Короленко сильно обострилось. Чтобы отдохнуть и поправить свое здоровье, он решил пожить в каком-нибудь тихом удаленном месте. Выбор пал на Вачу, куда его пригласили старые знакомые — фабриканты Кондратовы. Оттуда он на несколько дней выезжал в Павлово, чтобы посмотреть, какие перемены произошли в жизни павловских кустарей, может быть, внести некоторые коррективы в «Павловские очерки». О последней поездке в Павлово писатель рассказывал в письмах жене. 2 февраля 1897 года он сообщал:

Чтец: «... Сделал кое-что для издания «Павловских очерков» и видел немало интересного. Сегодня воскресенье, по павловским улицам разъезжают богачи, как в Нижнем по Покровке, а по сторонам глазают толпы кустарей. Завтра с 5-6 часов утра — скупка, для которой собственно, я и приехал...»

(Цит. по: Ларионова А. Павлово его не забудет // Павлов. металлист. — 1993. — 5 авг.).

Ведущий: А 5 февраля он писал:

Чтец: «Третьего дня я был на зимней скупке. Приехал сюда нарочно, чтобы посмотреть скупку при более спокойном настроении рынка (тогда был кризис) и думал, что придется смягчать краски. Представь, что вышло наоборот, ничего смягчать не пришлось... Опять точь-в-точь те же разговоры, и те же картины, и та же ужасная нужда... Шестнадцать часов труда и голод...»

(Цит. по: Ларионова А. Павлово его не забудет // Павлов. металлист. —

1993. — 5 авг.).

Ведущий: Потом он напишет: «...Теперь нахожусь в Ваче, чтобы несколько еще поправить то, что мне испортило Павлово. Моя бессонница вернулась, и две ночи в Павлове я провел без сна...»

(Цит. по: Ларионова А. Павлово его не забудет // Павлов. металлост. — 1993. — 5 авг.).

Так глубоко переживал замечательный русский писатель трагедию паловских кустарей тружеников, жестоко эксплуатируемых кулаками-скупщиками.

В Нижнем Новгороде вокруг В.Г. Короленко быстро сложилась обширная группа друзей и единомышленников. В квартире на Канатной собиралась пестрая публика — учителя, врачи, капитаны пароходов, юристы, писатели, представители земства. Короленко был участником целого ряда обществ, ставящих перед собой благотворительные и просветительские цели. При его содействии известный в Нижнем Новгороде Всесословный клуб превратился в крупное культурное учреждение, а его библиотека стала подлинной гордостью города. По инициативе писателя в городе было открыто первое в России астрономическое общество, работой которого впоследствии восхищались Горький и Циолковский. В 1891-1892 годах Короленко участвовал в организации помощи голодающим крестьянам Нижегородской губернии.

17 октября 1887 года была открыта Нижегородская губернская ученая архивная комиссия, сыгравшая огромную роль в развитии общественно-культурной и научной жизни города. Уже на втором заседании ее членом был избран Короленко. Он с кипучей энергией включился в работу комиссии, углубился в разбор, описание и исследование архивных материалов. Результатом стало появление серии исторических очерков.

С именем Короленко связывают начало подлинной гласности в Нижнем Новгороде. Он активно издавался в казанском «Волжском вестнике», в солидной московской газете «Русские ведомости», в журнале «Русская мысль» и других. Как правило, его тексты носили обличительный характер. За одиннадцать лет им было написано свыше ста газетных статей о нижегородской жизни, не считая заметок в журналах и других изданиях. В целом о значении для города пребывания здесь в течение ряда лет В.Г. Короленко говорит емкая характеристика, данная Горьким, который назвал этот период в истории Нижнего Новгорода «эпохой Короленко».

Настоящим триумфом Короленко стал выход произведений «Сон Макара», «В дурном обществе» и «Слепой музыкант». Материалом для писателя послужили воспоминания о детстве, проведенном на Украине, обогащенные наблюдениями, философскими и социальными выводами зрелого мастера, прошедшего годы ссылки.

Режим, с которым Короленко «бодался», как известный нам «теленек с дубом», как видим, ничуть не помешал ему публиковаться, в том числе и за

рубежом, хорошо зарабатывать, много путешествовать. В 1890-е годы Короленко посетил Крым и Кавказ, а в 1893 году присутствовал на Всемирной выставке в Чикаго. Результатом этой поездки стал философско-аллегорический рассказ «Без языка» (1895 год). С 1895 года Короленко жил в Петербурге, где работал редактором журнала «Русское богатство», а в 1900 году переехал в Полтаву.

Популярность Короленко была огромна, и правительство было вынуждено считаться с его публицистическими выступлениями. Писатель привлекал внимание общественности к злободневным вопросам современности. Он разоблачал голод 1891-1892 годов, привлек внимание к «Мултанскому делу» (выступая защитником на суде, писатель помог удмуртскому народу не запятнать свою честь и достоинство в сфабрикованном деле о человеческом жертвоприношении), возражал против репрессивных действий власти, в частности, после подавления революции 1905 года.

В последние годы Короленко работал над большим автобиографическим произведением «История моего современника». Произведение осталось незавершенным. Писатель умер от воспаления легких, работая над его четвертым томом. Похоронен Короленко в Полтаве на Старом кладбище. В связи с закрытием этого некрополя 29 августа 1936 года могила В.Г. Короленко перенесена на территорию Полтавского городского сада (теперь это парк «Победа»). В Житомире, в доме, где родился Короленко, сейчас открыт мемориальный музей.

Хорошо бы и нам не забывать мечтателя-бунтаря, писателя и общественного деятеля Короленко!

Составитель: Милицкая А.О., ведущий библиотекарь
отдела обслуживания ЦБ им. В.Г. Короленко